
Кристина Карасова
Богиня
зверолюдов

Кристина Карасова

Богиня зверолюдов

«Автор»
2026

Карасова К. В.

Богиня зверолюдов / К. В. Карасова — «Автор», 2026

В книге рассказывается о девочке которая вышла за короля зверолюда и стала не королевой, а скорее богиней. К тому же она владела 4 элементами природы.

© Карасова К. В., 2026
© Автор, 2026

Кристина Карасова
Богиня зверолюдов

Автор: Кристина Карасова Вардановна
Художник: Кристина Карасова Вардановна
Богиня зверолюдов.
Когда богиня леса погибает, её сила переходит к случайной девушке из нашего мира.

Далеко на западе, за высокими горами и бескрайними лесами, лежит страна, которую называют Богоизбранной. Её не найти на спешных картах купцов — слишком далеко она от людских дорог, слишком ревно хранят её хребты свои тайны. Но тот, кто однажды добирался до перевалов, видел внизу долину, похожую на чашу, до краёв наполненную светом.

Здесь жили зверолюди. Существа с ушами и хвостами, с острыми клыками и мягкой шерстью, с глазами, в которых отражалось небо. Но если бы чужеземец закрыл глаза и прислушался, он услышал бы самое обычное: скрип колёс, звон монет, смех детей, ругань торговцев, песню женщины, развешивающей бельё. Сердца зверолюдей были полны надежд — таких же простых и таких же сложных, как у людей. Они работали в полях, торговали на рынках, варили вино из дикого винограда и пекли хлеб, от которого весь город пахтал тёплой коркой и мёдом.

На склонах гор росли бело-розовые лилии. Никто не знал, кто посадил их первыми. Может, ветер принёс семена, может, древняя богиня обронила их, проходя по хребтам. Но лилии цвели каждую весну, упрямо пробиваясь сквозь камень, и их лепестки казались рассветом, который запутался в траве. Зверолюди называли их «слезами Луны» и плели из них венки на праздники, гирлянды над дверями и тонкие браслеты для невест. Считалось, что, если лилия зацвела у твоего порога — год будет добрым.

Зверолюди были разными. На северных окраинах, у Студёных Пиков, жили волки — высокие, молчаливые, с глазами цвета зимнего льда. Они держались особняком, но никогда не отказывали в помощи, если буря заставала путника на дороге. В Шёлковых Пустошах селились лисы — хитрые, быстрые, с улыбками, которые могли быть и приветливыми, и опас-

ными. В Изумрудных Топях жили наги — с чешуёй, переливающейся как драгоценные камни, и с голосами, от которых вода в ручьях становилась тише. На западных утёсах гнездились птицелюди — гарпии и соколы, чьи крылья закрывали солнце, когда они спускались на рынок за мукой и солью. Были здесь и кошки с мягкими лапами, и олени с ветвистыми рогами, и медведи.

Разные — но жили дружно. Не всегда, конечно. Бывало, что лисья лавка и волчья мастерская ссорились из-за места у колодца, а гарпии жаловались, что их перья пачкаются о черепицу соседских крыш. Но к вечеру все снова сходились за общим столом, потому что в Богоизбранной умели прощать. Здесь не спрашивали, чей у тебя хвост и чьи уши. Спрашивали, какой ты хлеб печёшь и как зовут твоих детей.

Всё в этой стране напоминало людскую жизнь. Особенно центральный рынок. Он раскинулся в самом сердце столицы — города Лилейный Венец, у подножия гор, где воздух был чист и пахтал снегом. Рынок начинался с широкой площади, вымощенной круглыми камнями, и тянулся во все стороны узкими улочками, где можно было заблудиться между телегами, корзинами и лотками. Над головами висели полосатые навесы — красные, синие, жёлтые, — и бело-розовые лилии в глиняных горшках стояли почти у каждой двери. С утра до вечера здесь кипела жизнь: торговцы выкликали цены, покупатели торговались до хрипоты, дети гоняли друг друга между мешками с зерном, а где-то на краю площади старик-ёж играл на дудочке, и ему в такт подпевали птицы.

Пахло свежим хлебом, копчёной рыбой, специями, сеном и чуть-чуть — дождём, который прошёл ночью. У медведицы-пекарши на прилавке лежали круглые караваи, посыпанные семенами, и мёдовые коврижки, от которых у прохожих текли слюнки. Лис-портной развесил на крюках шёлковые ленты и шерстяные шарфы, и его хвост, пушистый и рыжий, то и дело смахивал пылинки с прилавка. Кошка-рыболов продавала серебристых карпов, ещё бьющих хвостом, и её уши чутко поворачивались на каждый звук. Змея-травница раскладывала пучки сушёных цветов, и её чешуя тихо позванивала, когда она наклонялась над мешками. Гарпия-посыльная с сумкой через плечо быстро шагала между рядами, и её крылья, сложенные за спиной, вздрагивали от нетерпения.

Всё было как у людей. Только уши торчали из-под шапок, хвосты цеплялись за чужие корзины, а вместо привычного «добрый день» здесь говорили: — Пусть твоя тропа будет мягкой!

И в ответ улыбались. Среди этой толпы, у лотка со свежими булочками, стояла девочка. Она была невысокой, в простом зелёным плаще, который скрывал рыжие волосы. На первый взгляд — обычная горожанка. Но если присмотреться, можно было заметить странное: из-под капюшона не торчали ни уши, ни хвост. У неё не было ни пушистого кончика, ни перьев, ни чешуи. Только руки, тонкие и бледные, и глаза — золотые, спокойные, слишком внимательные для ребёнка.

Её звали Рен Рен. И она была единственной, кто в этой стране зверолюдей не имел звериных черт. Она протянула медную монету медведице-пекарше. — Одну булочку, пожалуйста. С мёдом. Пекарша — огромная, с добрыми глазами и мягкими лапами — наклонилась над прилавком и улыбнулась. — Для сиротского приюта, да? — Она завернула булочку в бумагу и добавила вторую. — Вот, возьми. Эта — для малышей. Пусть едят. Рен Рен подняла глаза. — Спасибо, тётушка Марта. — Беги, милая. И капюшон поправь, а то солнце напечёт.

Рен Рен кивнула и уже развернулась, когда у края площади послышался шум. Кто-то громко закричал, зазвенели копыта, и толпа расступилась. Через рынок ехали всадники — королевские гонцы. Их плащи были тёмно-синими, с вышитым полумесяцем, а лица — хмурыми. Они неслись так, будто за ними гналась сама смерть. — Дорогу! Дорогу королевской страже!

Рен Рен прижалась к лотку, пропуская их. Один из всадников — молодой волк с жёсткой шерстью и глазами цвета зимнего льда — на мгновение обернулся. Его взгляд скользнул по толпе и на секунду задержался на девочке в зелёном капюшоне капюшоне. На её руке, там, где рукав чуть задрался, мелькнул бледный полумесяц.

Всадник нахмурился. Но кони уже унесли его дальше, к воротам замка. Рен Рен медленно выдохнула. Она посмотрела на свою руку. Под кожей, у запястья, тускло светился серебряный знак — полумесяц, обвитый звериной мордой. Он пульсировал тихо, как второе сердце. — Опять, — прошептала она.

Булочка в её руках всё ещё была тёплой. Где-то на площади старик-ёж снова заиграл на дудочке. Лилии на склонах гор качались от ветра, и их бело-розовые лепестки казались рассветом, который запутался в траве.

Рен Рен натянула рукав пониже и пошла обратно в лес — мимо рынка, мимо смеющихся зверолюдей, мимо страны, которая была её домом и всё же не была до конца её страной. Когда она выходила из леса она наводила иллюзии, чтобы лес выглядел в глазах жителей, как приют, так она не вызывала подозрений. После возвращения в лес девушка стирала память, оставляя фрагменты встречи. Она ещё не знала, что этой ночью королевская стража вернётся. И не за булочками. К счастью, её тут не будет и её лес скрывает туман.

Правил этой страной король, которого звали Вездесущий. Не потому, что он был повсюду одновременно, — хотя шутили, что его глаза есть даже у городских ворот. А потому, что видел он больше, чем кто-либо из живых.

Он был смелым, добрым, сильным и справедливым. Грива его была соткана из звёздной пыли, а шерсть — цвета вселенной, тёмной и глубокой, с проблесками далёких галактик. Когда он шёл по улицам, дети замирали, а старики почтительно склоняли головы. Но сам король не любил пышности. Каждое утро, едва солнце касалось верхушек гор, он надевал простой плащ, оставлял корону в покоях и уходил в город — гулять, слушать, смотреть. Жизнь в Богоизбранной била ключом, и король хотел чувствовать её пульс своими ладонями.

У него была одна особенность. В королевском роду магия передавалась от правителя к правителю — у каждого она была разной, но всегда служила на благо страны. Вездесущему досталась сила, связанная с Луной. В полнолуние он видел будущее. В растущую и убывающую луну — настоящее, и это позволяло ему знать истинное положение дел в стране: где не хватает зерна, где зреет ссора, где река подмывает мост. А в новолуние, когда небо черно и пусто, он видел прошлое — древние тайны, забытые обиды, истоки бед.

Но было одно видение, которое повторялось каждое полнолуние. Одно и то же, год за годом.

Девушка. Человеческое дитя. Без ушей, без хвоста, без клыков. Она стояла в серебряном свете, и её глаза были полны слёз, а на руке горел знак — полумесяц, обвитый звериной мордой. И голос — не её, а сама Луна говорила устами короля — шептал: «Не принцессой она станет. Богиней».

Король Вездесущий просыпался в холодном поту и долго смотрел в окно, на бледный диск, уплывающий за горы. Он не рассказывал об этом видении никому. Но с тех пор, гуляя по рынку, он вглядывался в лица детей, искал девочку без звериных черт, с серебряным знаком на запястье. Он знал, что она где-то здесь. Знал, что она вырастет. И знал, что однажды она изменит всё.

В то утро король шёл через центральный рынок, и его звёздная грива была прикрыта капюшоном, чтобы не привлекать внимания. Он остановился у лотка с лилиями, купил у заспанной кошки-цветочницы три ветки, и уже хотел идти дальше, когда краем глаза заметил девочку в зелёном плаще. Она стояла у пекарни, протягивала медную монету, и рукав её плаща чуть задрался.

На мгновение — всего на одно мгновение — король увидел бледный полумесяц на её запястье. Сердце его пропустило удар. Но толпа схлынула, гарпия-посыльная пронеслась мимо, закрыв обзор крыльями, а когда король снова посмотрел в ту сторону, девочки уже не было.

Он стоял, сжимая в руке бело-розовые лилии, и на его губах медленно проступала улыбка. Та самая. Значит, видение не лгало. Она здесь. Она растёт. И скоро — очень скоро — Луна приведёт её к нему.

Рен Рен тем временем уже шла обратно в лес. Она не знала, что король видел её. Не знала, что её судьба уже вплетена в узор, который ткут боги. Она просто шла мимо лотков, прижимая к груди тёплую булочку, и думала о том, что сегодня, кажется, будет дождь.

На рынке Лилейного Венца всегда торговали не только хлебом и рыбой. В конце третьего ряда, где навесы становились ниже, а улочка сужалась так, что двум телегам было не разъехаться, стояли корзины с грибами и ягодами. Здесь пахло сырой землёй, хвоей и сладкой лесной пылью. Белые грибы лежали горками, словно маленькие крепости; рыжики отливали медью; лисички горели в плетёных корзинах, как рассыпанные солнечные искры. А рядом — черника в глиняных мисках, малина на широких листьях, земляника, такая спелая, что казалась прозрачной, и тёмные гроздья ежевики, от которых пальцы становились фиолетовыми.

Король Вездесущий, укрытый простым плащом, остановился у одной из таких корзин. Он часто покупал ягоды для дворцовых детей и грибы для старухи-кухарки, которая варила из них суп, от которого, по её словам, «и мёртвый встанет, и живой снова сядет». Но в это утро его интересовало не только качество товара. — Скажи мне, добрая душа, — обратился он к старому барсуку, чьи лапы были перепачканы землёй, а усы — в паутине, — где ты собрал эти грибы и ягоды?

Барсук выпрямился, вытер лапы о фартук и посмотрел на покупателя с той степенной важностью, с какой старики обычно рассказывают истории, даже если их никто не просил. — За городом есть лес, — сказал он. — Бескрайний. Там очень вкусные ягоды и грибы. И красивые такие, что иные барышни не удержатся — сорвут, а потом весь день руки отмыть не могут. Я туда хожу с тех пор, как мне исполнилось двенадцать. В первый раз, правда, заблудился. Страху натерпелся — думал, всё, конец мне, съедят меня тени под ёлками. А потом вышла красивая девушка. Не знаю, откуда она взялась. Глаза у неё были золотые, и голос тихий. Она взяла меня за руку и вывела из леса. С тех пор я собираю ягоды и грибы на полях и у входа в лес. Дальше не захожу — боюсь снова заблудиться. А девушку ту больше не видел. Хотя, говорят, её многие видели.

Король слушал внимательно. Он не перебивал, только чуть наклонил голову, и его звёздная грива, скрытая под капюшоном, тихо зашевелилась, будто от лёгкого ветра. — Многие? — переспросил он. — Да почти все, кто в Бескрайний ходит, — вмешалась кошка-травница, раскладывавшая рядом сушёные листья. — Мой племянник тоже рассказывал. Пошёл за ежевикой, зашёл слишком далеко, а там уже вечер, тропы не видно. И вдруг — девушка. Не зверолюд, нет. Человеческое дитя, без ушей и хвоста. Она его вывела к речке, показала, где мост, и исчезла. Он потом три дня её искал, думал — поблагодарить. Не нашёл. — А почему лес называют Бескрайним? — спросил король. — Потому что он и есть бескрайний, — сказал барсук. — Идёшь-идёшь, а конца нет. Только свет между деревьями. От солнечных лучей кажется, что лес светится изнутри. А в глубине речка течёт. Вода в ней такая чистая, что

отражает солнце, и речка сияет, как алмаз. Красота — дух захватывает. Но далеко не ходи. Лес не любит, когда его тревожат без нужды.

Король поблагодарил их, купил корзину лисичек и миску земляники, а потом пошёл дальше по рынку. Но мысли его остались у Бескрайнего леса.

В ту ночь луна была растущей. Она висела над горами, как тонкий серебряный серп, и её свет был мягким, осторожным. Король Вездесущий не спал. Он стоял на балконе замка, и его глаза, тёмные и глубокие, как ночное небо, отражали лунный свет. В такие ночи его сила позволяла видеть настоящее — не то, что показывали донесения, не то, что говорили советники, а истинное положение дел в стране. И он увидел.

Несколько его подданных — молодой волк-дровосек, две сестры-белки и старый ёж с фонарём в лапе — шли по дороге из города. Фонари покачивались, выхватывая из темноты кусты, камни и высокую траву. Они направлялись к Бескрайнему лесу. Не за дровами, не за хворостом. За ягодами и грибами. Их корзины были пусты, лица — спокойны, и в их движениях не было страха. Они шли так, как ходят к старому знакомому, которого давно не видели.

Король нахмурился. Он знал, что ночью в Бескрайний лес лучше не ходить. Там легко было сбиться с тропы, а тени под деревьями становились густыми, как смола. Но эти зверолюди шли уверенно. Будто знали, что их кто-то ждёт.

Он смотрел, пока огни фонарей не скрылись между деревьями. А потом видение растаяло, оставив после себя лишь запах хвои и тихий звон, будто кто-то далеко-далеко задел струну.

На следующую ночь взошла полная луна.Она была огромной и белой, и её свет заливал Лилейный Венец так ярко, что улицы казались выбеленными. Король Вездесущий сидел в своём кабинете, и перед ним лежала карта страны. Но он не смотрел на карту. Он ждал. И видение пришло.

Снова — лес. Только теперь он не был тёмным. Солнечный свет пробивался сквозь ветви, и казалось, что деревья светятся изнутри — каждое, от корней до последнего листа. В глубине леса текла речка, и её вода отражала солнце так ярко, что сияла, как алмаз. На берегу стояла девушка.

Человеческое дитя. Без ушей, без хвоста, без клыков. Её рыжие волосы падали на плечи, а глаза были золотыми, спокойными и слишком внимательными для ребёнка. На правой руке, у запястья, горел серебряный знак — полумесяц, обвитый звериной мордой. Она обернулась, будто почувствовала взгляд короля, и улыбнулась. И голос — не её, а сама Луна говорила устами короля — прошептал: «Не принцессой она станет. Богиней».

Король проснулся на рассвете. Полная луна ушла за горы, и небо на востоке стало розовым, как лепестки лилий. Он долго сидел неподвижно, сжимая в руке край плаща, и слушал, как внизу, в городе, начинают скрипеть телеги и перекликаются торговцы.

Он знал, что девушка из видения где-то здесь. Знал, что она растёт среди зверолюдей, возможно, даже не подозревая, кто она на самом деле. И знал, что Бескрайний лес, о котором рассказывают столько странного, связан с ней. — Значит, Бескрайний, — тихо сказал король и поднялся. — Что ж. Пора навестить старый лес.

Он ещё не знал, что в этот самый час, в то самом лесу на краю города, девочка по имени Рен Рен проснулась от того, что её запястье горело серебряным светом. Она села на деревянный пол в своём домике на дереве, прижала руку к груди и посмотрела в окно, где над горами вставало солнце.

И где-то далеко за границей леса, виднелось свечения, она не знала, что король скоро навестит этот лес.

Утро короля Вездесущего начиналось не с короны. Корона лежала в бархатном ларце у изголовья — тяжёлая, из тёмного серебра, с полумесяцем на лбу. Он надевал её только на

большие праздники и приёмы послов. В обычные дни ему хватало простого плаща и той тихой силы, которая жила в его груди и отзывалась на каждый удар сердца страны.

Первым делом — государственные дела. Король сидел в малом зале, где на стенах висели карты: поля, леса, реки, горные перевалы. Перед ним лежали донесения — не длинные, не витиеватые, написанные простым языком. Староста северной деревни просил прислать кузнеца: мост через реку обветшал, а своей руки не хватает. Купцы из Шёлковых Пустошей жаловались на пошлины, которые выросли сами собой, без королевского указа, — кто-то в канцелярии перестарался. А из Изумрудных Топей пришло письмо от нагов: весной вода поднялась выше обычного, и часть полей затопило. Нужна помощь с дренажом.

Король выслушивал каждого. Он не перебивал, не торопил, не хмурился. Его звёздная грива, убранная в простую косу, лежала на плече, и в её глубине мерцали далёкие искры. Советники стояли вокруг, и некоторые переминались с лапы на лапу, потому что знали: король видит не только то, что написано в бумагах. В растущую луну он мог заглянуть в настоящее и проверить, правда ли староста беден, а купцы обижены. И если кто-то пытался обмануть — это становилось видно сразу. — Кузнеца пошлите, — сказал король, откладывая первое донесение. — И добавьте двух плотников. Мост — дело не одного дня. Пусть работают без спешки, но к зиме он должен стоять. — Пошлины пересчитать, — продолжил он, взяв вторую бумагу. — Вернуть купцам всё, что взяли сверх указа. А того, кто самовольничал, — ко мне. Не для наказания. Для разговора.

Советники переглянулись. Кто-то вздохнул с облегчением. Король редко наказывал. Он предпочитал разговаривать. — А нагам, — король взял третье письмо, — отправьте мастера по воде. И ещё скажите: если вода не уйдёт до следующего месяца, я приеду сам. Не с войском, не с проверкой. Просто помогу. Он подписал указы, поставил печать — полумесяц над горой — и поднялся. Государственные дела были сделаны. Теперь можно было идти в город.

Король Вездесущий любил гулять по Лилейному Венцу. Не в карете, не в сопровождении стражи, а просто так — пешком, в плаще с капюшоном, надвинутым на глаза. Он выходил через боковые ворота замка, где стоял только старый стражник-ёж, который знал короля с детства и потому делал вид, что не узнаёт. — Доброго утра, ваше... — ёж запнулся, — ...доброго утра, мил человек. — И тебе, дедушка, — улыбался король и шёл вниз по каменной лестнице, к городу.

Улицы просыпались вместе с ним. Где-то уже гремели вёдрами, где-то скрипели ставни, где-то мать звала сына-лисёнка домой — вернуться за забытой сумкой. Король шёл не спеша. Он останавливался у пекарни, где тётушка Марта, медведица с добрыми глазами, выставляла на прилавок свежие караваи. Он покупал у неё коврижку с мёдом и ел на ходу, отламывая кусочки. Потом заглядывал к кошке-рыболову, смотрел, как серебристые карпы бьют хвостом в бочке, и спрашивал, хорош ли улов. Кошка отвечала, что хорош, но вот если бы кто-нибудь починил мостки у реки, было бы ещё лучше. Король кивал, запоминал. К вечеру мостки чинили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.